

ИСЛАМСКАЯ ТРАДИЦИЯ НА САМАРСКОЙ ЗЕМЛЕ В XVII-НАЧАЛЕ XX в.

© 2016 Ю.Н. Гусева

Самарский филиал Московского городского педагогического университета

Статья поступила в редакцию 07.04.2016

В статье анализируются основные характеристики духовного развития татарских, тептяро-башкирских поселений в конце XVII - начале XX века на территориях Самарского Поволжья. Характеризуются основные направления религиозной деятельности мусульманских духовных лидеров, особенности религиозных процессов, протекавших в тюркских поселениях региона.

Ключевые слова: татары, тюрки, Самарское Поволжье, мусульмане, ислам в Самарской области.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-11-63007.

Самарский край является одним из крупных мусульманских регионов в составе современной России, подавляющее большинство мусульман Самарского края – сунниты ханафитского толка. История укрепления и взаимодействия исламской традиции на самарской земле является собой во многом типичный для Волго-Уральского исторического ареала пример продуктивного, в целом позитивного взаимодействия. Актуальность изучения механизмов пребывания, адаптации исламских норм к историческим обстоятельствам проживания мусульман в рамках российского государства вряд ли нуждается в пространном доказательстве.

Рассмотрим основные этапы истории распространения и существования ислама в Самарском Поволжье начиная с момента вхождения региона в единое российское жизненное пространство.

Первый этап относится к середине XVI - концу XVIII в. и характеризуется устойчивым формированием и увеличением количества общин (махалля), постройкой первых мечетей, мектебе и медресе, существованием абызов и мулл как неофициальных (с точки зрения государства) духовных лидеров.

Широко известно, что северо-западные районы будущей Самарской губернии (будущие Бугульминский, Бугурусланский уезды) входили в состав Казанского ханства и были заселены татарами, болгарями, чувашами, мордвой и марийцами. Вопрос о точных датах основания татарских селений на этих землях остается открытым, но есть версии, что крупные «старые» тюрко-мусульманские селения области (Ермаково, Камышла) ведут свою историю именно с середины XVI в.¹

К 1563 г. относится основание д. Теплый Стан (тогда Исмаилово) на почтовом тракте Ногайской дороги из Казани в Астрахань². С этой деревней связано одно из немногих дошедших до нас

упоминаний о муллах в крае: в 1748 г., во время переселения в Теплый Стан татар из деревень Казанского и Симбирского уездов, среди 115 новопоселенных крестьян значился мулла Исмаил Саямов (1694 г.р.)³. Это означает, что в селе уже существовала махалля и, возможно, мечеть.

Подобно тому, как это было в других поволжских регионах, духовными лидерами общин (махалля) в этот период выступали абызы. Исходя из имеющихся документов можно лишь в общих чертах представить, кого в XVI-XVIII вв. именовали «абызами»: вероятнее всего, «абыз» – обобщающий термин, обозначающий образованных, умеющих писать и читать мусульманских проповедников, служителей разного уровня. В целом их можно охарактеризовать как хранителей исламской традиции и образования, являвшихся своеобразной интеллектуальной верхушкой общин.

Именно абызы вступали в контакт с русской администрацией, в т.ч. расписывались в документах, участвовали в составлении шеджере (родословных), подписывали материалы переписей («ревизские сказки»), документы земельных межеваний⁴. Они же часто принимали участие в шертовании, то есть приведении к присяге⁵. Зачастую в бумагах ревизий начала XVIII века поверенные деревень клялись, что давали сведения «по вере своей, по шерти и по курану в правду»⁶.

Как справедливо указывает О.Н. Сенюткина, «Абызы избирались как духовные руководители членами мусульманских общин и являлись интеллектуальной верхушкой этих общин. Их никто официально не утверждал – они и без этого пользовались большим уважением и авторитетом среди прихожан. Если командиры боевых отрядов служилых татар имели функцию военного руководства отрядами служилых людей, то абызы выполняли работу духовников»⁷. Вероятно, именно потомки абызов впоследствии будут основоположниками династий «указных» мулл и неофициальными лидерами общин, т.н. ишанами⁸.

Гусева Юлия Николаевна, доктор исторических наук, заместитель директора по науке. E-mail: j.guseva@mail.ru

До настоящего времени мы не имеем подтверждений о наличии в этот период мечетей в самарских пределах, но на соседних землях Казанского ханства их существование подтверждается документально. Более поздние данные дают нам основания предположить, что именно Казань как центр исламской учености, наследник духовной традиции Волжской Булгарии заметно повлияла на распространение ислама на будущих самарских землях. Особенно заметным было это влияние в районе тюркских поселений на рр. Большой Черемшан, Сок ввиду особенностей процесса колонизации и географической близости к землям Казанского ханства.

Поэтапное освоение самарских земель, связанное как с явлениями «вольной» колонизации, так и с государственной политикой выстраивания оборонительных укреплений, привело к бурному росту количества татарских, татаро-мишарских, татаро-башкирских селений на территории будущей Самарской губернии: к концу XVIII в. только на землях Бугурусланского уезда существовало 30 татарских и татаро-башкирских селений, в Бугульминском их насчитывалось 97⁹. Согласно данным четвертой ревизии (1782) в Симбирской губернии, в состав которой входили территории будущей Самарской губернии, насчитывалось 45 472 жителя-татарина, большинство из которых исповедовали ислам.

На всем протяжении XVIII века в документах обнаруживаются «следы» социальной активности абызов: они по-прежнему продолжали свою духовно-организационную деятельность. В числе тех, кто «руку свою к сказке (имеется в виду реестр лиц, учтенных в ревизии. – Ю.Г.) приложил», в 1742-1763 гг. значились: деревни Тюгальбуга Ставропольского уезда абыз Уразмет Сапаров¹⁰; деревни «Абдреевой абыс Итряс Измайлов татарским письмом»¹¹; «абыс д. Абдрахманово Мухамет Баки Абдель Именев»¹².

Постепенное укрупнение татарских селений привело к формированию относительно устойчивых по численности мусульманских приходов и, как следствие, массовой постройке мечетей. Документально подтверждается, что строительство мечетей, основание мектебе на территории будущих Ставропольского, Самарского, Бугульминского, Бугурусланского, Бузулукского уездов велось уже с начала XVII в. По архивным данным, самые «старые» мечети имелись в селениях Ертуганово¹³ (ок. 1615), Абдуллово¹⁴ (ок. 1700), Балыкла (1745), Бакаево (1769), Камышла (1769), Старое Усманово (1766 или 1769), Старое Ермаково (1769), Новое Ермаково (1779)¹⁵. По нашим данным, она появилась позднее, в 60-е гг. XVIII в. Однако это не означает, что ермаковцы-байтуганцы, как и их соседи, до этого времени не молились. Скорее всего, они делали это в местах, которые казались им наиболее подходящими: на кладбищах или в местах, где оседали первопоселенцы. Неслучайно, что во многих селениях до сего

дня сохраняется традиция почитания места, откуда начиналась деревня.

Обращает на себя внимание тот факт, что мечети селений камышлинско-байтуганского куста татарских деревень на р. Сок (Камышла, Балыкла, Верхнее и Нижнее¹⁶ Ермаково, Надырово, которые были отмежеваны в 1730-е - 1750-е гг. из земель Надыровской волости), по архивным сведениям, были построены примерно в одно время – в 60-е гг. XVIII в. и, по всей видимости, были схожи в архитектурном плане. Это дает основания предположить, что их строительство вели одни и те же мастера¹⁷, а также позволяет сделать вывод, что эти селения стали относительно синхронно активно развиваться после припуска и переходов в XVIII в. татар, тептярей на башкиро-татарские земли «сокского» куста деревень Надыровской волости.

С 1738 г. к юго-востоку от Самары на р. Моче обосновался астраханский ногайский татарин Утуп Бекеев с «товарищами» – выходцами из татар, «уфимских мешчеряков» и калмыков. Так было образовано крупное татарское казачье поселение на территории Самарского края, созданное для защиты юго-восточных рубежей Российского государства. Вероятно, в нем также имелись мечети, которые, согласно устной традиции, после распада слободы в начале XIX в. были переданы в села Теплый Стан и Филипповка¹⁸.

То, что и в селах «сокского» куста существовали и муллы, и мечети, подтверждается свидетельствами очевидцев. Академик И. Лепехин, путешествовавший по этим местам в 1768 г., отмечал, что в татарских селениях (посетил Бакаево (Бакай), Байтуган, Усманово и Камышлу) имелось по одному мулле, которые знают арабский и «магометанский закон» (шариат) и в соответствии с ним судят, исполняют обряды, а в больших деревнях мулл по двое-трое. Они избирались из своей среды и никем не утверждались. Ученый упоминает и иные категории религиозных лиц: ахуны, абызы, муэдзины, говоря, что они живут на пожертвования и не нуждаются в дополнительных работах и заработках¹⁹. Это в свою очередь говорит о наличии разветвленной сети религиозных деятелей разного уровня: от высшего (ахун) к низшему (муэдзин), а также о существовании при мечетях или в частном порядке учебных заведений, в которых преподавали абызы.

Документально подтверждается, что в наиболее старых и крупных селениях, в которых появились первые мечети (например, в упомянутом Абдуллово, Старой Тюгальбуге и Старом Фейзуллово²⁰), имелись и мектебе.

Итак, поэтапное освоение самарских земель, рост количества татарских селений и постепенное их укрупнение привели к формированию относительно устойчивых по численности приходов. Большая часть переселенцев-тюрков (казанских, темниковских, касимовских, курмышских татар, татар-мишарей, часть чувашей) и автохтонов

(татары, башкиры) исповедовала ислам. К концу XVIII в., к моменту создания официальной структуры, призванной контролировать религиозную жизнь мусульманских подданных России – Оренбургского Магометанского Духовного Соборания – на самарских землях в течение нескольких столетий существовали махалля, мечети, появились мектебе, продолжали свою наставническую деятельность абызы и муллы.

Следующий этап – 1788-1917 гг. – период выстраивания местной системы религиозного образования, объединение сельских и городских мусульманских общин под эгидой Оренбургского Магометанского духовного соборания (ОМДС).

К концу XVIII в. в подавляющем большинстве мусульманских селений края уже имелись мечети, оформился слой духовенства. Его формирование происходило под влиянием близлежащих центров исламской учености, в первую очередь находившихся в Казанской губернии. В наиболее древних и крупных тюркских самарских селениях (Старое Ермаково, Татарский Байтуган) в конце XVIII - начале XIX в. документально зафиксирована практика приглашения в махалля «указных»²¹ мулл с «казанской стороны». Документы 1799 г. содержат имя староермаковского муллы Ахметуллы Абдрахманова, уроженца д. Нижняя Ширшимова²². В 1803 г. при размежевании владений д. Байтуган «вместо поверенного из татар М. Муксимова», который тамгу приложил, расписался арабской вязью мулла Габдул Якеев (Габдель Явкаев?)²³. Материалы воспоминаний также подтверждают эту практику: в указанных селах в досоветский период имамами были династии мулл из д. Махтама (Республика Татарстан)²⁴.

Одним из первооснователей современного села Мулловка был Алимбек-мулла, в честь которого оно и было названо. По преданию, именно он, будучи наиболее активным и авторитетным членом махалля, в 1803 г. первым приехал для осмотра места будущего поселения²⁵.

Во второй половине XVIII - начале XIX вв. в Самаре уже существовало оформившееся тюркское ядро: в числе горожан отмечались торговые касимовские татары, которые, по всей вероятности, получили информацию о городе от своих «служилых» земляков²⁶. Причем если знать служилых татар (мурзы) иногда была вынуждена для сохранения своего особого социального статуса в XVI-XVIII вв. принимать христианскую веру, то рядовые касимовцы, как правило, были мусульманами²⁷.

Материалы свидетельствуют, что татары-мусульмане постоянно проживали в Самаре уже в XVII в., а в конце XVIII - начале XIX в. имели деревянную мечеть, мектебе, отдельное мусульманское кладбище.

Отсутствие большого количества мурз (элиты служилых татар), вынужденных принимать

крещение, относительная компактность проживания, причастность к исторической памяти предков подтверждается тем, что самарские татары в массе своей не принимали крещение. К 1792 г. в Бугульминском уезде было только около 3% крещеных, в Бугурусланском – 5,2%, в Бузулукском – 7%, в Ставропольском – 1,2%²⁸.

В 1866 г. к шести приходам Самарской епархии было приписано 902 человека крещеных татар (при общей численности татарского населения более 52 тысяч человек). А немногочисленные «отпавшие» зачастую не выполняли православные обряды²⁹. (В настоящее время село Назаровка (Урдалы авалы) является единственным местом компактного проживания крещеных татар на территории Самарской области.)

Важную роль в удержании мусульманской традиции сыграли, кроме прочего, разноплановые усилия духовенства.

Архивные документы свидетельствуют, что на всем протяжении XIX в. на территории Ставропольского, Бугульминского, Самарского, Бугурусланского, Бузулукского уездов активно велось строительство мечетей³⁰. Неуклонно росло количество духовных лиц: к 1904 г. их насчитывалось 928 человек³¹.

В период с 1788 г., когда приходы края находились в ведении Оренбургского Магометанского Духовного Соборания (ОМДС, г. Уфа), ужесточился контроль над кадровым составом мусульманского духовенства. Теперь имамы проходили обязательную процедуру регистрации, сдавали экзамены и становились «указными».

При этом сохранялся слой духовных лидеров – «неуказных» ахунов и абызов, которые, вероятно, являлись ишанами (см. далее) и нередко не признавали официальную власть Уфы. Анализ материалов сопредельных территорий показывает, что изначально обучением верующих занимались абызы как наиболее знающие люди. Неслучайно в XIX в. термин «абыз» нередко употреблялся как синоним слова «мугаллим» (учитель).

Зачастую именно абызы стояли у истоков создания учебных заведений, так как были связаны с суфийской традицией, которая всячески поддерживала распространение религиозных знаний. Многие из имевшихся до 1917 г. мектебе (начальное учебное заведение) и медресе (среднее учебное заведение) были основаны в XVIII - начале XIX вв.: к примеру, в сс. Теплый Стан (1829), Бакаево (1829), Алькино (1829). Со временем и официально утвержденные имамы начали уделять все большее внимание образовательной деятельности.

Во всех уездах Самарской губернии имелись «указные» ахуны – авторитетные «старшие» муллы, которые представляли интересы уфимского муфтия в пределах уезда, своим авторитетом направляли и поддерживали прихожан, разрешали конфликтные ситуации. Наиболее известны име-

на следующих ахунов: Зейнул Габдил Абдрыхимов Мельзетдинов (первый приход Самары), Шигабутдин Хуснутдинов Минюшев (второй приход Самары); Фасхутдин Муфтахутдинов Муратов (Алькино), Хуснулла Багаутдинович Багаутдинов (Старое Ермаково).

В XIX в. на территории будущей Самарской губернии³² было значительное число мусульман: к середине века насчитывалось 93 мечети и 52680 мусульман обоого пола. На рубеже веков число храмов достигло 110 (их посещало 87777 человек), а к 1915 г. их стало еще больше – 166. В дореволюционный период в Самаре насчитывалось три махалли³³.

Все больше прихожан могли совершить хадж. В архивах сохранились прошения самарских мулл, мещан, зажиточных людей, выезжавших в Мекку и Медину в XIX - начале XX в.³⁴

Рассмотрим, как в городе и губернии в этот период развивалась система религиозного образования. В Самарской губернии, как и в других регионах Поволжья, религиозные учебные заведения чаще всего возникали вскоре после постройки мечети и зачастую располагались в ней или неподалеку. Как и мечети, учебные заведения по традиции содержались на добровольные пожертвования прихожан. Вакуфная собственность в губернии отсутствовала.

Интересно, что в воспоминаниях современников татары имели репутацию грамотных людей, что выделяло их из общей среды неграмотных граждан³⁵. Соотношение обучающихся к общему числу жителей в татарской среде (1:9) было более выигрышным по сравнению с иными национальностями (татары уступали по этому показателю только немцам)³⁶. В начале 1850-х гг. в Ставропольском уезде имелось 16 мечетей, при каждой из них имелось мектебе (в них обучалось чтению Корана и письму до 400 мальчиков)³⁷. При этом наблюдатели отмечали, что «...все обучение в этих школах ограничено чтением для девочек и, кроме того, письмом для мальчиков, да и то не для всех»³⁸. К 1880 г. в губернии функционировало уже 122 школы (среди них были учебные заведения для мальчиков и девочек).

Процесс религиозно-национального подъема, улучшения экономического положения махалля, имевший место во второй половине XIX - начале XX в., отразился и на религиозных школах. Во-первых, их количество заметно возросло. К началу Первой мировой войны их число достигло 134 (107 мектебе и 27 медресе, из них два – в Самаре). По официальным данным за 1908 год, затраты на содержание «магометанских» школ губернии составляли ежегодно 4300 руб. В это время в них обучалось 2300 мальчиков и 438 девочек³⁹.

По данным И. Галяутдинова, в дореволюционный период наиболее известные медресе губернии располагались в селениях Ново-Урайкино (медресе

Камалетдин-хазрата), Новое Усманово (медресе Нуретдина-хазрата), Ново-Мансуркино (медресе Мирсалих-хазрата Хасанова), Денискино (Ахсан-хазрата и Кыяметдин-хазрата), Татарские Выселки (Сафа-хазрата), Абдикеево (Кагимаф- хазрата и Наджиб-хазрата)⁴⁰, с.Мочалеевка (Субеевых)⁴¹.

Вторая тенденция, явно обозначившаяся в начале века, – это качественные изменения в преподавании: в губернии, как и во многих регионах Империи, появились джадидские учебные заведения. Учебная программа традиционной (старометодной, кадимистской) школы включала мусульманское право, догматику, коранические дисциплины, хадисоведение, арабский язык. Обучение было бесплатным или за небольшое вознаграждение мулле, и до конца XIX в. оно было доступно преимущественно мальчикам. Джадидские учебные заведения расширяли круг предметов за счет введения светских дисциплин, более глубокого изучения религиозных основ (математики, национального языка, географии – в мектебе; алгебры, всеобщей истории и истории ислама, географии, языков – в медресе). Допускалось обучение девочек.

Первым джадидским (новометодным) медресе в губернии было самарское городское медресе ахуна Ш. Минюшева. По данным М.-Ф. Муртазина, медресе было основано в 1888 году. Пристав 1-й части г.Самары 20 апреля 1914 г. докладывал: «По собранным сведениям, в Самаре на Казанской улице в одном здании имеется магометанское духовное училище, имеющее собственно две школы: 1) называется «мектебе», по-русски, начальное училище, где преподается чтение и писание по-татарски в течение 3-4 лет; 2) называется «медресе» – нечто вроде духовного училища русского, где преподается закон Божий мусульманский, арабский язык, комментарии для Ал-Корана, Коран, изречения пророков, богослужение и вообще правила религии под общим названием «фикги» (фикх. – Ю.Г.) – курс 8 лет. Преподавателями состоят ахун Шигабетдин Минюшев и указный мулла Мухаммед Фатих Муртазин...»⁴². За 25 лет работы медресе выпустило 737 учащихся (в среднем около 30 человек в год). Более 30 выпускников медресе связали свою жизнь со служением Аллаху, основали мектебе в селениях, где были имамами⁴³.

В сельских районах на рубеже XIX-XX вв. новометодными стали учебные заведения в Новом Ермаково (медресе Ризаутдина-хазрата и Сираджиддина-хазрата), Мочалеевке (медресе Лукман-хазрата Магдеева), Татарском Абдикеево (медресе Зуфар-хазрата). Наиболее известным в крае было медресе в Старом Ермаково, которым руководил ахун Бугурусланского уезда Хуснулла Багаутдинов, друживший с будущим муфтием ЦДУМ Р. Фахретдином⁴⁴. За годы работы медресе выпустило более 200 мугаллимов (мальчиков и девочек) и имамов.

Однако если говорить о соотношении, то в губернии новометодные школы заметно уступали старометодным⁴⁵. По данным 1913 г., в Самарском, Бузулукском уездах учебных заведений нового образца не было вообще, в Николаевском уезде было одно подобное учреждение⁴⁶. Лучше обстояло дело в Бугульминском и Бугурусланском уездах, где насчитывалось три «новых» медресе (из общего числа 21) и 11 мектебе (из 218)⁴⁷.

По мнению специалистов, дореволюционных учеников (шакирдов) традиционного (кадимистского) медресе отличало неплохое знание мусульманского права и догматики, но слабое владение светскими дисциплинами, арабским языком, незнание классической исламской литературы⁴⁸. Лишь на рубеже XIX–XX вв. появляются духовные лидеры, которые пытались создать новометодные медресе с изучением различных языков, светских дисциплин и пр. Однако для Самарской губернии были характерны низкие темпы развития новометодного образования ввиду традиционной хозяйственно-культурной замкнутости махалля, а также отсутствия экономических и организационных возможностей для реорганизации школ.

На рубеже XIX–XX вв. самарские мусульмане переживали те же процессы, что и все мусульманское сообщество Российской Империи: распространение джадидских идей и появление «мусульманских обществ», выход наиболее активных мулл «в политику» и ведение ими широкой общественной деятельности, заметный рост числа мечетей и религиозных учебных заведений.

Эти явления во многом были связаны и с экономической составляющей существования губернских и городских мусульман. К началу XX в. постепенно формируется не очень значительный, но заметный слой торговой городской и сельской татарской буржуазии, которая начинает осознавать свои национально-религиозные интересы и реализовывать их в доступной им форме⁴⁹.

Как и во многих других регионах России, после манифеста 1905 г. активные самарские мусульмане начали заниматься общественной работой. С 1907 г. в Самаре под председательством муллы Муртазина начало свою деятельность мусульманское общество⁵⁰, стали появляться книжные магазины, издавался журнал «Иктисад»⁵¹. В период 1907–1913 гг. в городе действовали мусульманская библиотека, обучающие курсы для взрослых; было открыто четыре русско-татарских школы, в которых занимались 90 мальчиков и 70 девочек⁵².

Усилия немногочисленных благотворительных обществ⁵³, новометодных мектебе и медресе, активизация издательской деятельности («Иктисад»), к сожалению, по разным причинам не могли способствовать заметному усилению общественных позиций мусульманской общины города. Это не означало, что в национально-религиозной среде отсутствовали яркие фигуры (М. Баишев, М.-Ф. Муртазин), но об-

щий уровень политической культуры был невысок, не существовало заметного слоя национальной интеллигенции, осознававшей свою просветительскую миссию.

Этому не способствовала и позиция власти, общественности, которых настораживала приверженность тюрок-мусульман своим национальным и религиозным традициям, именовавшаяся в документах «фанатизмом»⁵⁴.

Еще одно заметное явление, имевшее место в мусульманской среде губернии в этот период, – это массовые миграции татаро-башкирского населения в Турцию⁵⁵.

В условиях активизации панисламистских настроений в начале XX в. это было неприятным симптомом для властей, доказывающим, что мусульмане готовы на многое для сохранения веры, демонстрирующим важность религиозной самоидентификации.

В годы русско-турецких войн и Первой мировой войны в близкой самарцам Казанской губернии распространялись слухи, что «некоторые новобранцы из татар, служащие в полках, расположенных не в Казанской губ., прислали письма к своим родителям, прося их, так сказать, благословения на побег из своих полков в турецкое войско»⁵⁶. Турецкие эмиссары появлялись в Симбирской губернии, Бугурусланском уезде Самарской губернии⁵⁷. Муллы, попадая под влияние части богатых татар, настроенных лояльно к Османской Турции, потенциально могли вести протурецкую агитацию, но документы свидетельствуют, что в губернии массовой поддержки воюющей с Россией державы не было.

Итак, как и в различных мусульманских частях Российской Империи, в начале XX в. самарские мусульмане переживали заметный религиозный подъем, базировавшийся на экономических и идеологических причинах. С одной стороны, постепенно увеличилось количество авторитетных, образованных, духовных лидеров. Заметно возрос уровень образованности имамов в целом: городские мечети постепенно становились центрами решения духовных, образовательных, организационно-административных вопросов. Однако этот позитивный процесс был прерван событиями Первой мировой войны и революции 1917 г. Оставшиеся на родине и не изменившие ей самарские мусульмане вместе со всеми народами Российской империи пережили драматичные события 1917 г.

На всем протяжении бытования исламской традиции в Поволжье ее воплощения были весьма разнообразными. В болгарский, золотоордынский и более поздние периоды истории Самарского края существовала исламская традиция, которая опиралась на суфизм и доисламские верования народов, исконно проживавших на этих территориях.

Абызы, которые в период XVI-XVIII вв. своим служением Аллаху и прихожанам закрепили мусульманскую традицию в сознании людей, вероятно, были связаны с суфийскими тарикатами⁵⁸. Именно абазы впоследствии стали основателями крупных династий «указных» и «неуказных» мулл, и начиная с XIX в. многие из них именовались «ишанами» (синоним суфия, шейха, муршида).

По данным источников и современной историографии, в Поволжье «почти во всех случаях связь с тарика вела только к двум великим шейхам из Бухары и Кабула или же к их ученикам в Поволжье и Приуралье»⁵⁹. Большинство поволжских (и самарские не были исключением) ишанов причисляло себя к братству накшбандийа-муджаддидийа и по духовной «цепи» (силсила) были связаны с Файзханом аль-Кабули или Найаз-кули ат-Туркмени. В рассматриваемый период доминирующей (и сохранившейся вплоть до середины XX в.) являлась ветвь накшбандийа-муджаддидийа, идущая от Кабули⁶⁰.

Судя по различным данным, самарцы были в числе учеников ишанов, проповедовавших в д.Парау (Боровка), г.Чистополь, с.Тархан (д.Большие Тарханы), с.Старая Кулатка, с.Зимницы. Р.Фахретдин в знаменитом труде «Асар» рассказывает о деятельности ишана, имама и мугаллима родом из с.Алькино – Мурадбаки б.Ишали б.Ишмухаммед б.Юсуф б.Сулейман (жил во второй половине XVIII - начале XIX в.). Ишан много проповедовал, писал сочинения. Его фигура вызывала неоднозначные оценки у современников, но в сознании последующих поколений он превратился в полупоэтичную личность (аулийа), ревнителя мусульманской традиции. Возможно, именно этого ишана имели в виду алькинцы, когда называли в честь него родник «Мурат-бабай» («Бабкай чишмаса», «Родник Бабкай»)⁶¹.

Однако основным центром притяжения для мюридов (ученик шейха) Самарской губернии в силу объективных географических причин было село Кизляу (Курманаево, сейчас село в Нурлатском районе РТ). Образование в кизлявском медресе, тарикате получили многие духовные лидеры губернии, в частности имамы-уроженцы села Теплый Стан: Мухаматжан Сабиров, Ахметгарей (Гирей) Гильманов, Шакиржан Гафуров, Махмуд Исхаков, Шакиржан Мардаев⁶². Всего, по данным И.М. Галаяудинова, таковых насчитывалось 37 человек⁶³.

К числу выдающихся ишанов, происходивших родом из с.Байряки, относились Искандер аль-Байрякави, Мухаммедшариф аль-Байрякави (1785/1786 - 1841/1842) и дамелла⁶⁴ знаменитого местного медресе «Губайдийа» Губайдулла аль-Байрякави (1784/1785 - 1844/1845).

Сын последнего, Габдельвали, наследовал дело отца и руководил этим крупным религиозным учебным заведением во второй половине XIX в. В начале XX в. сыновья ишана Габдельвали, вероят-

но, получившие иджазу (разрешение, получаемое мюридом от шейха, на собственную проповедническую деятельность и обучение¹ от отца, – Муксин и Масыгут Губайдуллины, превратили медресе в джадидское, организовав в нем преподавание светских дисциплин⁶⁵. Заметим, что вплоть до 1920-х гг. оно оставалось одним из наиболее крупных и популярных религиозных учебных центров Казанской и Самарской губерний.

Особую роль в сохранении и приумножении суфийских традиций и ислама в целом в Волго-Уральском регионе в начале XX в. сыграл Зайнулла Расулев. Этот суфийский шейх принадлежал к направлению накшбандийа-муджаддидийа/халидийа и являлся действительным авторитетом в вопросах духовной жизни для многих мусульман Волго-Уральского региона (в особенности Приуралья), являлся сторонником джадидизма и реформирования ислама в сторону приспособления его к современным нуждам верующих⁶⁶.

Один из мюридов З. Расули, Шакир Ибрагимов⁶⁷, мулла с.Ново-Урайкино Ставропольского уезда Самарской губернии, до Первой мировой войны и в 1920-е годы был духовным наставником для многих верующих Самарской и Симбирской губерний. Сокурсником Шакира был сын шейха Зайнуллы, будущий муфтий ЦДУМ-ДУМЕС – Габдрахман Расулев⁶⁸. Еще одним крупным духовным наставником мусульман Казанской, Саратовской, Пензенской, Симбирской, Самарской, Астраханской губерний второй половины XIX в. следует считать ишана Хабибуллу Хансоярва, уроженца с.Зимница (Зимлиха) Саратовской губернии⁶⁹.

Особый статус и отношение к авторитетным ишанам было также продиктовано тем, что наставники обладали конкретными знаниями, многие из которых были на определенном этапе развития общества востребованы. Причем не только обладали знаниями, но и в духе классической суфийской традиции стремились ими поделиться, обладая навыками и педагогическим талантом. Одаренные шейхи, ишаны создавали вокруг себя богатую духовную атмосферу – часто были организаторами учебных заведений. Неслучайно подавляющее большинство упомянутых духовных наставников были создателями медресе и мугаллимами (учителями). Важно подчеркнуть, что к началу XX в. многие ишаны являлись официально утвержденными имамами, мугаллимами.

Кроме преподавательской деятельности ишаны исполняли необходимые ритуальные суфийские действия, выступали в роли казыев – судей по шариату, а постоянно открытые для всех места пребывания ишанов (дома, мечети, ханака) служили местом ночлега для путников, питания для бедных, оставшимся без крова – приютом. Очевидным для людей проявлением «святости» ишанов, их особой духовной силы для основной массы населения была способность ишанов к исцелению больных. По утверждению

3. Музаффари, в начале XX в. муллы считали заговоры обязанностью ишанов⁷⁰. Заметим, что обряд исцеления в том или ином виде сохранился в сельской татарской среде до сих пор. Подобные практики не являются уникальными, типичны для многих народностей, и не только тюркоязычных, что позволяет считать их неотъемлемой частью духовной народной культуры.

Несмотря на это следует признать, что к концу XX в. ишанизм как явление исчез, исчезло и обозначение «ишаны» применительно к религиозным лидерам, а суфийские традиции в Поволжье в целом были практически утрачены. Исключение составил лишь культ «святых мест», связанный с практическим (обрядовым) уровнем суфийской традиции, а также отдельные обрядовые элементы (хаер, мавлюд, целительство), которые традиционно в массовом сознании были связаны с ишанами⁷¹.

Итак, наблюдая за динамикой духовной жизни самарских тюрков, отметим ее «вписанность» в общероссийский контекст бытования российского ислама в Волго-Уральском регионе. Судьба ислама и его приверженцев в регионе была тесно связана с событиями социально-экономического, политического, общественного развития тюркских общин в рамках российского имперского пространства и во многом схожа с реалиями религиозного развития единоверцев в других поволжских губерниях (Нижегородской, Симбирской и пр.). Близость к историко-географическому ареалу проживания казанских татар, исторически сформированные связи обусловили интенсивное взаимодействие самарских и казанских единоверцев.

История ислама в регионе не знала моментов открытого противостояния с представителями иных конфессий, напротив, документы ясно фиксируют факты взаимодействия, межконфессионального сотрудничества. Следует помнить о главной государственной установке на христианизацию нерусских народностей, особенно активно реализовавшейся в XVIII-XIX вв., и ее неудачных результатах. На всем протяжении исследуемого периода турки-мусульмане региона твердо держались веры предков. Многообразие духовных практик, часть которых опиралась на суфийскую традицию ордена накшбандийа, придавало религиозной традиции значительную устойчивость.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Морданов Р. Происхождение татарских сел Камышлинского района // <http://samtatnews.ru> (дата обращения – 7 июля 2014); Галимов Ш.Х. Счастье жить на земле предков. Татары Самарского края: краткая историческая справка // Самарские татары. 2012, декабрь. №1(1). С.8.
- ² Насыров А.Н. Течение жизни. Село Теплый Стан (1563-2004). Самара, 2005. С.15-18.
- ³ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф.350. Оп.2. Д.3351. Книга пере-

писная мужского пола душ Ставропольского уезда Оренбургской губернии. 1748 год. Л.606 об.

- ⁴ В середине XVI в. при описании Татарской слободы г.Касимова упоминались мизгити (мечети) и дворы абзозы (*Вельяминов-Зернов В.В.* Исследования о касимовских царях и царевичах. СПб.: Тип. Импер. Академии наук, 1866. Ч.III. С.78). Наименование «мулла» в применении к исполнителю исламских религиозных обрядов закрепилось позднее, в XVIII-XIX вв.
- ⁵ О принятии клятв мусульманами, о шертовании см.: *Зайцев И.В.* Проблема удостоверения клятвенных обязательств мусульманина перед христианской властью в России XVI - XIX веков // Отечественная история. 2008. №4. С.3-9.
- ⁶ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.1104. Сказки служилых татарских, чувашских и мордовских деревень Симбирского уезд. 1723 год.
- ⁷ *Сенюткина О.Н.* Мусульманское духовенство Нижегородчины: истоки, эволюция, трансформация // Известия СНЦ РАН. 2010. Т.12. №2. С.103-106.
- ⁸ Ишан (перс., «они») – суфий, суфийский духовный наставник; в среднеазиатской и волго-уральской традиции – синоним терминов «муршид», «шейх».
- ⁹ *Ведерникова Т.И.* Расселение татар в Степном Заволжье (Самарской губернии) в XVIII-XIX вв. // Проблемы истории СССР. Вып. XII. М.: Изд-во МГУ, 1982. С.87-95.
- ¹⁰ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.3352. Л.356.
- ¹¹ Там же. Л.748.
- ¹² Там же. Л.365.
- ¹³ Сейчас в Старомайском районе Ульяновской области. В середине XVII в. деревня Ертуганова на р.Кандала принадлежала татарскому помещику Ертугану Мурзе Тагоеву (*Никонов В.А.* История освоения Среднего Поволжья по материалам топонимии // Вопросы географии: Историческая география. Сборник Пятидесятилетия. М.: Гос. Изд-во географ. лит-ры. С.185).
- ¹⁴ В XIX в. – селение Ставропольского уезда Самарской губернии, ныне – в Чердаклинском районе Ульяновской области. О нем см.: *Гусева Ю.Н.* Родина З. Кадыри – село Абдуллово – в документах самарских архивов // Симбирский научный вестник. 2013. №3(13). С.160-163.
- ¹⁵ По мнению И.Галаяудинова, не подтвержденному документально, наиболее старой мечетью в крае является мечеть в Татарском Байтугане, построенная в 1743 г. (*Галаяудинов И.М.* Свет Истины: история мусульманских общин Самарской области в документах, иллюстрациях, воспоминаниях. Самара: ООО «Офорт», 2009. С.99).
- ¹⁶ Нижнее Ермаково – наименование в XVIII-XIX вв. современной д.Старое Ермаково.
- ¹⁷ На это указывает в своей работе *Галаяудинов И.М.* Указ. соч. С.100.
- ¹⁸ Ислам в Поволжье: энциклопедический словарь. М.: ИД «Медина», 2013. С.197-198.
- ¹⁹ *Паллас П.С.* Путешествия по разным провинциям Российской империи. Ч. 1. СПб, 1773 / Цит. по: Самарское Поволжье с древности до конца XIX в. Сб. док-тов и материалов. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000. С.160, 178.
- ²⁰ Оба селения в XIX в. находились в Самарском уезде Самарской губернии. Сейчас Старая Тюгальбуга относится к Новомалыклинскому району Ульяновской области, Старое Фейзуллово числится в Кошкинском районе Самарской области.
- ²¹ «Указной» мулла (имам, муэдзин и пр.) – духовное лицо, утвержденное официальным указом ОмДС.
- ²² РГАДА. Ф.1334. Оп.1. Д.83. Полевая межевая записка

- Бугульминского уезда дер. Верхней Ермаковой Байтуган тож, владение из чуваш новокрещен, содержащих ям служилых и ясачных татар. 1803 год. ЛЛ.5-5об.
- ²⁵ РГАДА. Ф.1354. Оп. 1123. Д. 414/1. Алфавит дач межевания Бугурусланского уезда Оренбургской губернии, ч. II.
- ²⁴ *Галляутдинов И.М.* Указ. соч. С.100. Отметим также, что существование одного источника воспроизводства духовной традиции в рамках двух деревень косвенно подтверждает общность их исторических истоков, то, что изначально они выросли из одного «корня» – деревни Ермак, Ермаково.
- ²⁵ *Галимов Ш.Х.* Очерки истории села Мулловка. Самара: ООО «Книга», 2009. С.6.
- ²⁶ *Гусева Ю.Н., Кабытов П.С., Козловская Г.Е.* Социально-демографический и этнический облик тюркских поселений Южного Средневожья в конце XVIII - первой половине XIX века // Известия СНИЦ РАН. Т.17. №3(2). Самара, 2015. С.597.
- ²⁷ Подробнее о мечетях, категориях мусульманского духовенства в Касимове и его окрестностях см.: *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследования о касимовских царях и царевичах. СПб.: Тип. Импер. Академии наук, 1863-1887.
- ²⁸ Этноты Самарского края: Историко-этнографические очерки. Самара: «Современник», 2003. С.128.
- ²⁹ Например, в 1858 г. новокрещены – жители деревень Ставропольского уезда Самарской губернии Сикам Аллямов (в крещении – Осип Осипов) из д.Аллагуловка, Рахметулла Рахманкулов (Герасим Романов) из д.Филиповка, а также переселенный в 1841 г. Абдулфарис Абдулатыпов (Степан Александров) просили об оставлении их в магометанской вере (ЦГАСО. Ф.3. Оп.1. Д.16. Л.3).
- ³⁰ О динамике строительства мечетей в губернии и связанных с этим материальных, законодательных, демографических обстоятельствах см. в работе: *Гибадуллина Э.М.* Мусульманские приходы Самарской губернии в конце XIX - начале XX вв. Н.Новгород: ИД «Медина», 2006. С.71-81.
- ³¹ *Гибадуллина Э.М.* Указ. соч. С.83.
- ³² Губерния была образована в 1851 г. и состояла из 7 уездов. В нее вошли из бывшей Оренбургской губернии – Бугульминский, Бугурусланский и Бузулукский уезды; из Саратовской губернии – Николаевский и Новоузенский уезды; из Симбирской – Ставропольский и части уездов Самарского и Сызранского, лежавшие на левом берегу Волги (из них составлен Самарский уезд); из Казанской губернии – северная часть Ставропольского уезда.
- ³³ Об истории городских самарских мечетей и общин см.: *Галимов Ш.Х.* Прошлое как вера в будущее. Самара: ООО «Книга», 2011; *Гибадуллина Э.М.* Указ. соч.; *Гусева Ю.Н.* Ислам в Самарской области. М.: Логос, 2007.
- ³⁴ ЦГАСО. Ф.174. Оп.1. Д.817; Ф.3. Оп.28. Д.5; Ф.3 Оп.39. Д.10а и др.
- ³⁵ В воспоминаниях дружинного начальника по ополчению 1855 г. отмечалось, что под командование Ю.Ф.Самарина попало «всего три грамотных татарина, умеющих кое-как писать по-русски; остальной строевой состав дружины оказался неграмотным» (Самарские губернские ведомости. 1855. 10 дек. Часть неофиц. С.262 / Цит. по: Самарское Поволжье с древности до конца XIX в. Сб. док-тов и материалов. Самара: Изд-во СНИЦ РАН, 2000. С.351).
- ³⁶ Для сравнения: в русскоязычной среде это соотношение выражалось как 1:133 (Памятная книжка Самарской губернии за 1863-1864 гг. Самара, 1864. С.59-68 / Там же. С.319).
- ³⁷ Журнал Министерства Народного Просвещения. 1852 - окт. (Ч.LXXXVI). С.30-31 / Цит. по: Там же. С.309.
- ³⁸ Памятная книжка Самарской губернии за 1863-1864 гг. Самара, 1864. С.59-68 / Цит. по: Там же. С.309.
- ³⁹ *Гусева Ю.Н.* Ислам в Самарской области... С.55.
- ⁴⁰ *Галляутдинов И.М.* Указ. соч. С.45.
- ⁴¹ Его отец, мулла той же деревни Габдулхаир Субеев, был богословом, автором книг религиозного содержания. Габбяс обучался в Казани в медресе Мухаммада Карим хазрата, стал основателем медресе в Мочалеевке (между 1865 и 1875 гг.), был ахуном Бугурусланского уезда, дважды совершил хадж (*Галляутдинов И.М.* Указ. соч. С.117). Также о положении мусульманских школ в губернии к началу XX в.: *Гибадуллина Э.М.* Указ. соч. С. 102-111.
- ⁴² ЦГАСО. Ф.1. Оп.1. Д.5608. Л.158.
- ⁴³ Классика самарского краеведения. Антология. Выпуск 3. Головкин К.П. Самара в конце XVIII-XX вв. (краеведческая картотека). Самара: Изд-во «Самарский университет», 2007. С.232.
- ⁴⁴ *Галляутдинов И.М.* Указ. соч. С.45.
- ⁴⁵ *Гибадуллина Э.М.* Указ. соч. С.111.
- ⁴⁶ ЦГАСО. Ф.468. Оп.1. Д.1792. Л.19, 27.
- ⁴⁷ Там же. Л.9.
- ⁴⁸ *Мухаметзянова Д.С.* Кадимистская система образования в историческом и педагогическом контекстах. Казань: Институт истории АН РТ, 2008.
- ⁴⁹ Подробнее: *Гусева Ю.Н.* «Пробуждение ислама» в конце XIX - начале XX вв. в средневожских губерниях: к постановке проблемы // Власть и общество в России: жизнь и государственная деятельность П.А.Столыпина. Самара, 2011. С.243-246; *Гибадуллина Э.М.* Указ. соч. С.134.
- ⁵⁰ Целью общества являлось просвещение и образование лиц «магометанского вероисповедания», ознакомление с политическими и экономическими правами, признаваемыми за ними существующими законами и оказание материальной помощи нуждающимся. Общество существовало до 17 марта 1913 г. и затем было закрыто по предписанию министра внутренних дел (ЦГАСО. Ф.171. Оп.1. Д.741).
- ⁵¹ Подробнее см.: *Галимов Ш.Х.* Прошлое как вера в будущее. С.64-67; *Гибадуллина Э.М.* Указ. соч. С.178; *Гусева Ю.Н.* Мухаммед-Фатых Муртазин (1875 – 1937): страницы жизни // Самарский краевед. Самара, 2011. С.137-147; *Сафин И.* Самарско-куйбышевские муллы – знаем ли мы их? // Самарские татары. 2013. №1(2), январь, март. С.55.
- ⁵² Классика самарского краеведения. Антология. Выпуск 3. Головкин К.П. Самара в конце XVIII-XX вв. (краеведческая картотека). Самара: Изд-во «Самарский университет», 2007. С.233.
- ⁵³ Всего до начала войны их было два. О них см.: Ислам в Поволжье: энциклопедический словарь. М.: ИД «Медина», 2013. С.9-10; *Гибадуллина Э.М.* Указ. соч. С.178-180.
- ⁵⁴ Весьма провокационно выглядело замечание самарского епископа Гурия в ответ на запрос властей о разрешении строительства мечети на Казанской улице в Самаре: «...Горше всего будет то, что они (татары. – Ю.Г.) будут следить за нашими действиями по обращению в христианство татар и, объясняя их по-своему в духе фанатизма будут делать возмущения и т.п. С другой стороны, как татары посмотрят на разрешение постройки мечети в Самаре, если в ней нет существенной необходимости по малому числу мусульман? Пожалуй, им встрелит в голову видеть в этом разрешении не веротерпимость, а сознание

- высшего гражданского и церковного правительств правоту их ислама, и поддержку в его утверждении и распространении среди язычников – чуваш, мордвы и пр[очих] инородцев губернии. Е.Г. 1894 г. июня дня» (Классика самарского краеведения. Антология. Выпуск 3. Головкин К.П. Самара в конце XVIII-XX вв. (краеведческая картотека). Самара: Изд-во «Самарский университет», 2007. С. 234).
- ⁵⁵ Подробнее об этом сюжете: *Гусева Ю.Н.* Миграции средневожских мусульман на рубеже XIX-XX вв.: причины, обстоятельства, последствия (из истории общин Самарской и Нижегородской губерний) // *Исповеди в зеркале: Межконфессиональные отношения в центре Евразии (на примере Волго-Уральского региона XVIII-XXI вв.)*. С. 239-251; *Тюркоглу И.* Переселение из Волго-Уральского региона в Османскую империю и его причины (1876-1914 гг.) // Там же. С. 467-478.
- ⁵⁶ ГА РФ. Ф.109. 1 эксп. 1875 г. Д.84. ЛЛ.255-256 об. (Цит. по: Самарское Поволжье с древности до конца XIX в. Сб. док-тов и материалов. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000. С.377).
- ⁵⁷ ГА РФ. Ф.109. 1 эксп. 1877 г. Д.25. Л.232-232об. (Цит. по: Там же. С.442, 443).
- ⁵⁸ Тарикат (Тарика) (араб. «дорога, путь») – термин, используемый приверженцами суфизма для обозначения братства (ордена) и для мистического пути, по которому посвященный движется к намеченной цели. Суфизм допускает множество таких путей и братств. Предполагается, что суфия ведёт по пути шейх, который имеет духовных учителей, восходящих к временам пророка Мухаммада.
- ⁵⁹ *Кэмпнер М.* Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане (1789-1889): Исламский дискурс под русским господством / Пер. с нем. Казань: Российский исламский университет, 2008. С.620.
- ⁶⁰ Силсила поволжских, в том числе самарских, ишанов см.: *Гусева Ю.Н.* Ишанизм как суфийская традиция Средней Волги в XX веке: формы, смыслы, значение. М.-Н.Новгород: ИД «Медина», 2013. С.165.
- ⁶¹ Согласно устной традиции, он был назван по имени жившего в этом селении благочестивого мусульманина. По легенде источник забил в том месте, где праведник молился о благополучии односельчан.
- ⁶² Кизляу тарикы («тарикат Кизляу», «путь Кизляу») – суфийское братство волго-уральских накшбандийских ишанов из с.Кизляу (Кизляу, Курманаево, ныне в Нурлатском р-не РТ). Возводит свою силсилью к Пророку. Наиболее известными членами братства являлись шейхи Губайдуллиных, ишаны Благодарки (В. Сабиров, А. Мулюков, И. Яхин) и духовные наставники г.Казани (И. Муштариев, А. Саматов). (Подробнее см.: *Гусева Ю.Н.* Ишанизм как суфийская традиция Средней Волги в XX веке: формы, смыслы, значение. М.-Н.Новгород: ИД «Медина», 2013).
- ⁶³ *Галаятдинов И.М.* Указ. соч. С.126.
- ⁶⁴ Дамелла (дамудла) – в Центральной Азии в XVIII-XIX вв. обозначение учителя мектебе или медресе. В Волго-Уральском регионе наименование преподавателя, обучавшегося в Бухаре и имевшего, как правило, собственное медресе.
- ⁶⁵ В документах Самарской жандармерии мулла Масыгут Губайдуллин в 1913 г. значился «попечителем медресе и председателем мусульманского общества прогрессистов». Сохранился протокол собрания Байрякского общества мусульман-прогрессистов, на котором обсуждались вопросы финансирования местной ремесленной школы и было вынесено постановление о передаче части помещений медресе «Губайдийа» под классы для изучения русского языка (ЦГАСО. Ф.468. Оп.1. Д.1792. ЛЛ.18, 35).
- ⁶⁶ О нем подробнее см.: *Фархиаатов М.Н.* «Дело» шейха Зайнуллы Расулева (1872-1917). Власть и суфизм в пореформенной Башкирии. Сборник документов. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2009; Шейх Зайнулла Расулев. Божественные истины: Пер. с араб./ Сост., коммент. и перевод *И.Р.Насырова*. Уфа: Китап, 2008.
- ⁶⁷ Мулла имел связи с мусульманами зарубежья. В частности, в августе 1913 г. Ставропольский уездный исправник получил предписание проверить на месте, опросить свидетелей о деятельности муллы д.Ново-Урайкино Новобинарадской волости Шакира Ибрагимова. В частности, его интересовало: какой араб приезжал к нему в село в 1911 г. (звание, фамилия, национальность) и где он сейчас находится (ЦГАСО. Ф.1. Оп.1. Д.5608. Л.189).
- ⁶⁸ *Галимов Ш.Х.* История села Ново-Урайкино: Годы, события, люди. Самара: ЗАО «Типография «Сокол-Т», 2006. С.98-99.
- ⁶⁹ Подробнее о нем и его деятельности см.: *Сафин И.* Великий наставник Хабибулла Хансояров. Самара: Самарское отделение Литфонда, 2005. 144 с. (на тат. яз.).
- ⁷⁰ *Музаффар З.* Ишаны-дервиши. Казань, 1931. С.62 (на тат. яз.).
- ⁷¹ О практиках см.: *Гусева Ю.Н.* Ишанизм как суфийская традиция Средней Волги в XX веке. С.57-82; Суфизм как социокультурное явление в российской умме: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Казань (21 ноября 2006 г.) / Отв. ред. и сост. И.К. Загидуллин. Нижний Новгород: ИД «Медина», 2007; *Хисматуллин А.А.* Суфийская ритуальная практика (на примере братства Накшбандийа). СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996; *Яблоков А.* О почитании святых в исламе // Православный собеседник. 1883. №12. С.397-454; *Bennigsen A., Wimbush S. Enders.* Mystics and Commissars: Sufism in the Soviet Union. London: C. Hurst & Company, 1985.

ISLAMIC TRADITION IN SAMARA REGION (THE 17TH – THE EARLY 20TH CENTURIES)

© 2016 Yu.N. Guseva

Samara Branch of the Moscow City Pedagogical University

The author analyzes the main characteristics of religious life of Turkic settlements in Samara region at the late 17th – the early 20th centuries. She characterizes the main directions of the activities of the Islamic leaders, and the specifics of the religious proceedings in the Turkic villages of the region.

Keywords: Tatars, Turks, Samara region, Muslims, Islam in Samara region.

Yulia Guseva, Doctor of History, the Deputy Director of Science. E-mail: j.guseva@mail.ru